

П. А. Аваков

Региональные особенности и социально-политические риски культурных преобразований Петра I (на материале Северо-Восточного Приазовья)¹

Европеизация внешнего облика населения России представляется в историографии и массовом сознании символом не только осуществленного Петром I культурного переворота, но и всех его преобразований в целом. В литературе широко распространена точка зрения о том, что борода и традиционное русское платье являлись для Петра I «своеобразным знаменем ненавистной старины», а потому столь энергичное участие царя в вестернизации имиджа своих подданных «вполне понятно и оправдано»². Но его действия в этом направлении в равной степени могли обуславливаться и иными мотивами. Проанализировав рассказ о введении в России брандирования и «немецкого» платья, содержащийся в первоначальных редакциях «Истории Свейской войны», Е. В. Акельев предположил, что идеологическое обоснование этих мероприятий строилось на противопоставлении Петром I облика своих подданных, отождествляемого с внешним видом «татарских и прочих бусурманских народов», и имиджа подданных «европейских христианских государств» (возможно, эта идеологема сформировалась в кругах российской элиты еще в конце XVII в., под влиянием идей, высказанных Ю. Крижаничем в трактате «Политика»)³. Культурная инициатива Петра I имела и обратную сторону: истощенная Северной войной государственная казна остро нуждалась в новых поступлениях, и царь рассчитывал пополнить ее за счет введения пошлин и штрафов,

которые были обязаны уплачивать традиционалисты — противники брадобрития и европейской одежды. Имеющаяся источниковая база не позволяет сделать однозначный вывод о том, какая из двух составляющих нововведений являлась для царя приоритетной: культурная или фискальная. Так, резидент Священной Римской империи германской нации при российском дворе О. А. Плейер в 1701 г. увидел в налоге на бороду исключительно способ увеличения налоговых сборов, но не культурное начинание⁴. Именно фискальная подоплека придавала вестернизации внешнего вида россиян радикальный характер.

Нельзя не согласиться с М. М. Богословским, полагавшим, что эту вестернизацию вполне «можно было осуществить более спокойно и безобидно»⁵. Как известно, в среде российской служилой элиты уже на протяжении многих лет существовала мода на брадобритие (распространение этого еретического «блуднического» обычая даже вынуждало патриархов Иоакима и Адриана обличать его в обращениях к пастве), а замена русского платья европейским в какой-то степени продолжала изменения, начатые царем Федором Алексеевичем в 1680 г. (с единственной разницей: тогда вместо традиционного русского «городового» платья для служилых людей вводилось «служилое» платье польского образца)⁶. Именно поэтому нововведения были сравнительно легко приняты знатью и не стали для нее культурным шоком. Но, разумеется, у духовенства и тяглого населения, а также у ревнителей традиций и глубоко религиозных людей во всех слоях общества эти новшества не могли вызвать понимание и встретить поддержку. Открытое неприятие огромной массой русского народа имиджевых преобразований имело религиозную и сексистскую подоплеку, и потому носило знаковый характер⁷.

Сам процесс введения брадобрития и европейского костюма на обширной территории России, затронувший многие социальные слои ее населения, до сих пор остается малоизученным. Почти ничего неизвестно о том, как проходила реализация замысла Петра I на периферии, какие трудности ее сопровождали, и каких конкретных результатов удалось достичь в этом региональным властям. Данная проблема разработана в историографии лишь на материале Западной Сибири и Нижнего Поволжья⁸. Между тем она представляет немалый интерес именно в связи с особенностями условий конкретного региона, в котором осуществлялись петровские преобразования, и с учетом различий в социально-экономическом укладе его населения.

Мы рассмотрим региональный аспект культурно-фискальных нововведений Петра I на материале Северо-Восточного Приазовья — территории, вошедшей в состав Российского государства после взятия Петром I Азова в 1696 г. и подписания Константинопольского мирного договора с Османской империей в 1700 г. Этот вопрос пока еще не был предметом специального изучения, его лишь вскользь затронул А. А. Пушкаренко в своей кандидатской диссертации

и в разделе коллективного историко-краеведческого очерка о городе Таганроге⁹. Особый интерес данная тема приобретает в связи со специфическим географическим и административно-территориальным положением российского Приазовья, который представлял собой приграничный анклав, отделенный от основной части страны землей полуавтономного Войска Донского и незаселенным Полем.

Как известно, указы о замене русского платья на одежду иностранного образца и о брадобритии издавались Петром I неоднократно. Первоначальный царский указ о бритье бород до нас не дошел. Свидетельство о том, что он вышел в 1699 г., содержится в ранней редакции «Гистории Свейской войны». Судя по всему, подготовка указа началась в конце августа — сентябре 1698 г., вскоре после возвращения царя из заграничного путешествия, когда своих бород лишилось его боярское окружение. К октябрю этого года относится распоряжение об изготовлении в Серебряной палате 15903 медных «чехов» с изображением «бородажных признаков». Подтверждением его выполнения служит сохранившийся в фондах Государственного Эрмитажа медный жетон, выдававшийся лицам, уплатившим пошлину за право носить бороду и усы, выпущенный в 7207 г. от сотворения мира (с 1 сентября 1698 по 31 августа 1699 г.). Вероятно, в декабре 1700 г. данное распоряжение вышло повторно (24 января 1701 г. О. А. Плейер писал в Вену об обложении бород налогом как о новшестве). Первый именной указ Петра I о введении европейской одежды последовал 4 января 1700 г. В соответствии с ним членам Боярской думы «и всех чинов служилым и приказным и торговым людем, и людем боярским» следовало носить кафтаны венгерского покроя. 20 августа того же года вышел повторный именной указ, предписывавший «для славы и красоты государства и для воинскаго управления» людям «всех чинов», кроме священно- и церковнослужителей, извозчиков и крестьян, одеваться в «платье венгерское и немецкое». Действие указа распространялось и на женщин. Новое распоряжение о ношении одежды и обуви уже западноевропейского образца, запрещавшее также ездить в русских седлах, состоялось около 1701 г. Для его нарушителей предусматривались штрафные санкции¹⁰. Однако вплоть до конца 1704 г. основная масса населения страны продолжала носить растительность на лице и облачаться в традиционное русское платье. Широкомасштабная реализация проекта европеизации россиян началась лишь в 1705 г., после рассылки на места именных указов от 22 декабря 1704 г. о ношении «немецкого» платья и обуви, и от 16 января 1705 г. о бритье бород.

Указ 1704 г., обобщавший предыдущие распоряжения, запрещал людям «всяких чинов» носить традиционную русскую одежду, сапоги и башмаки, а также пользоваться русскими седлами, изготовлять их и торговать ими. Мужчинам предписывалось носить кафтаны французского и саксонского покроя, «немецкие» камзолы, штаны, сапоги и башмаки, и ездить в «немецких» седлах. Женщинам всех сословий следовало одеваться в «немецкие» кунтыши, бостроги и юбки, и обуваться в «немецкие» башмаки. Детей тоже нужно было переодеть в платье западноевропейского образца. На тех, кто с 1 января 1705 г.

будут продолжать носить традиционные наряды и обувь, налагался дифференцированный штраф: для пешеходов — по 13 алтынов и 2 деньги, для всадников — по 2 руб. с человека. В соответствии с указом 1705 г. носить бороду разрешалось лишь священнослужителям (священникам и дьяконам), крестьянам и представителям других сословий, уплатившим специальную пошлину, размеры которой варьировались¹¹. Она была установлена в следующих размерах: для московских и провинциальных служилых людей — 60 руб., для гостей и торговцев гостиной сотни первой статьи — 100 руб., для торговцев гостиной сотни средней и меньшей статьи, посадских людей средней и меньшей статьи — 60 руб., для посадских третьей статьи, ямщиков, церковнослужителей и холопов — 30 руб. Пошлина взималась раз в год. Наглядным свидетельством ее уплаты с 1699 г. являлись медные «бородяные знаки», игравшие роль квитанции, которую убежденные бородачи должны были предъявлять в случае необходимости. Кроме того, по 2 деньги следовало взимать с бородатых крестьян при каждом посещении города. Одновременно запрещались производство и продажа русского платья и обуви¹². Как справедливо заметил А. Г. Брикнер, пошлины, которыми обложили бородачей, были весьма высокими¹³. Вероятно, по мысли законодателя именно это обстоятельство должно было в первую очередь стимулировать вестернизацию консервативного населения.

Рост социальной напряженности, вызванной введением брдобрития и западноевропейского костюма, несущими народу новые тяготы, достиг критической точки в 1705 г. Именно с этого времени наблюдается бурная реакция населения российских регионов на эти указы (Астраханское восстание, волнения и самосожжения в Сибири¹⁴).

В рассматриваемый период Северо-Восточное Приазовье являлось самой южной и единственной областью Великороссии, непосредственно граничащей с Османской империей. К началу XVIII в. на его территории оформились два уезда — Азовский и Троицкий, расположенные в дельте реки Дон (территория бывшего Азакского санджака Османской империи) и на Миусском полуострове. Центром первого являлся город-крепость Азов, к которому прилежали укрепления Петровский, Сергиев, Никонов, и заселенная донскими казаками крепость Лютин на реке Мертвый Донец (северный рукав Дона). Второй уезд сформировался вокруг города-крепости Троицкого на Таганроге, в окрестностях которого находились Семеновский, Павловский и Черепашин шанцы. Общее управление краем с 1703 г. осуществлял азовский губернатор стольник Иван Андреевич Толстой, опиравшийся в своей административной деятельности на товарища (заместителя) — стольника Степана Васильевича Киреева (с 1704 г. он замещал в Азове губернатора, переехавшего в Троицкий), дьяков азовской и троицкой приказных палат, полковников жилых солдатских полков и прочих «начальных людей», а также земских старост¹⁵.

Возникнув в зоне столкновения геополитических интересов России и Турции как пограничные города-крепости, после окончания войны 1686–1699 гг. Азов

и Троицкий начали постепенно превращаться в центры ремесла и торговли, в значительной степени сохраняя свой первичный военно-административный характер. Тем не менее в силу влияния ряда объективных факторов (удаленность от густонаселенных и экономически развитых районов страны, нестабильность внешнеполитической ситуации) им не суждено было стать настоящими городами в социально-экономическом смысле этого слова. Подавляющую часть населения Азова и Троицкого составляли военнотруженики и прочие служилые люди. По подсчетам А. А. Пушкаренко, к лету 1711 г. количество взрослого посадского населения в приазовских крепостях не превышало 6,2% от общего числа учтенного взрослого мужского населения, в том числе в Азове — 8,3%, и в Троицком — 4%¹⁶.

Следует отметить, что все постоянные жители Северо-Восточного Приазовья являлись мигрантами, которые принудительно и добровольно переселились в завоеванный край в ходе его регламентируемой правительственной колонизации. Основную массу местного населения составляли семьи служилых, посадских и вольных людей, насильственно переселенные правительством из Приволжья в количестве до 28 тыс. человек (впоследствии это число неуклонно уменьшалось за счет смертности и бегства). В течение 1696–1703 гг. Петр I превратил Приазовский край в общероссийское место ссылки «на вечное житье», на поселение и на каторгу, что тоже сыграло немаловажную роль в его колонизации. Таким способом к 1708 г. население края было увеличено более чем на 3 тыс. человек¹⁷.

Кроме того, ежегодно в Северо-Восточном Приазовье на строительстве фортификационных сооружений, порта и каменных зданий в течение пяти–шести месяцев трудились несколько тысяч работных и ремесленных (мастеровых) людей, присланных из других регионов России, часть которых в октябре оставалась в крае на «годовую» службу до весны. Как показал А. А. Пушкаренко, в 1701–1707 и 1709 гг., о которых сохранились относительно полные архивные данные, при среднем годовом наряде в 30 200 человек, на приазовских стройках фактически ежегодно работало около 15 тыс. человек¹⁸.

Несмотря на значительную стабилизацию положения в Северо-Восточном Приазовье после установления мирных отношений между Россией и Турцией в 1700 г., повседневная жизнь его населения по-прежнему оставалась нелегкой. Скудное денежное и хлебное жалование, выдававшееся постоянным и временным жителям края с большими перебоями, в сочетании с высокими рыночными ценами не обеспечивало прожиточного минимума. Так, в 1705 г. троиецкие солдаты писали в своей челобитной: «В Троецком всякая одежда и обувь против русских городов покупают дорогою ценою — вдвое и втрое...» «Город Азов украинной, — отмечалось в челобитной азовских солдат 1706 г., — от старинных жилищ удален, хлеб и харч всякой и платья верхнее и исподнее, и обувь, и дрова и всякой лес покупаем мы дороже вышеявленных старинных городов двойною и тройною ценами...» Возможность занятий собственным хозяйством или торгово-предпринимательской деятельностью для населения приазовских крепостей ограничивалась прикреплением к месту жительства, занятостью

по службе, отвлечением на различные казенные работы в порядке отбывания натуральной трудовой повинности, сохранявшейся внешней опасностью¹⁹. Из-за нехватки жилищ большая часть местного населения проживала в страшной тесноте, и о соблюдении элементарных норм санитарно-бытовой гигиены не могло быть и речи. Еще более тяжелой была участь временных жителей края, целыми полками пригоняемых туда для выполнения строительных работ и селившихся в землянках и шалашах²⁰. При этом состояние медицины в Северо-Восточном Приазовье не выдерживало никакой критики. Так, в сентябре 1700 г. строитель Троицкого инженер Кристиан Ругэль писал азовскому воеводе боярину С. И. Салтыкову: «...мнитца мне, что из зимовых полков многие померли... от многие нужды, что они утомилися в службах, а сперва здесь в землянках жили, и нездоровую пищу кормилися... А на Таганрогу толко один лекарь, и у всех болных как доведетца ходить не успеет. А естли бы кому было болных лечить, авозь бы господь Бог иных и помиловал, и здоровье дал...» В 1701 г. в крае с многотысячным населением находилось всего пять лекарей-иностранцев. Нехватка медицинского персонала вкупе с высокой концентрацией населения, бытовой неустроенностью, изнурительным трудом и скудной пищей приводили к массовым, в том числе эпидемическим, заболеваниям и высокой смертности среди жителей российского Приазовья. Сложившиеся условия способствовали развитию не только таких характерных заболеваний, как цинга и дистрофия, но и создавали благоприятную среду для распространения более опасных болезней — холеры и чумы. Четыре года подряд с 1700 по 1703 г. в Троицком вспыхивали эпидемии, уносившие многочисленные человеческие жизни²¹.

В феврале 1705 г. из Разрядного приказа, в ведении которого находился Приазовский край, в Азов была послана грамота с именным царским указом от 16 января о бритье бород и усов людьми «всяких чинов» и обложении пошлиной тех из них, кто захочет сохранить растительность на лице. Указ был обнародован в Азове и Троицком бирючами (глашатаями), а объявления с его текстом, заверенные дьяками, прибили к городским воротам и развесили на главных улицах. Соответствующие грамоты азовский губернатор отправил воеводам «приписных» к Азову городов. 28 марта 1705 г. Приказ земских дел прислал в Разряд тысячу «бородяных знаков» для отправки в Азов «на роздачу всяких чинов людям, которые похотят ходит з бородами и усами». Только половина из них была отправлена в Азов 30 марта «в почтовой суме чрез почту», а остальные 500 знаков остались в Разряде по причине «тягости почтовой сумы». После получения в апреле 1705 г. новой грамоты из Приказа земских дел власти Северо-Восточного Приазовья устно и письменно объявили в подведомственных городах именной указ от 22 декабря 1704 г., запрещавший людям «всяких чинов» носить русскую одежду, обувь, пользоваться русскими седлами. Запрет не распространялся только на священно- и церковнослужителей, татар и калмыков. Бирючи оглашали указ в течение нескольких дней. Во исполнение указа губернатор И. А. Толстой распорядился поставить у городских ворот Азова и Троицкого и на загородных рынках выборных

целовальников, которым было поручено взимать пошлину с тех, кто будет продолжать ходить в русском платье, сапогах, башмаках и сидеть на русских седлах (в размере 13 алтынов и 2 деньги с пешехода и 2 руб. с всадника). По замечанию А. А. Пушкаренко, это нововведение осложнило и без того трудное материальное положение жителей российского Приазовья, так как потребовало дополнительных расходов на приобретение новой одежды и обуви. Запрет на пользование русскими седлами поставил в тупик даже азовского губернатора, сообщившего в Разряд, что «седел немецких на продажу в Азове и в Троицком в привозе не бывало и ныне нет, а новых делат никто не умеет». Также И. А. Толстой обратился к своему начальству за разъяснением: подпадает ли под действие указа личный состав азовских и троицких полков конной службы, набранных из украинских и донских казаков? Бородовые знаки оказались не востребованными и остались на хранении в азовской приказной избе. Как доложил в Разряд губернатор, в Азове и «принадлежащих» к нему городах «всяких чинов люди тех бородажных знаков не берут и деньги не платят, а бороды и усы бреют». Узнав об этом в июле, Разряд вернул 500 оставшихся жетонов в Приказ земских дел²².

Неудивительно, что никто из жителей Северо-Восточного Приазовья не пожелал сохранить свою бороду и уплатить за нее пошлину. Размер годового денежного жалованья подавляющего большинства местного населения (как постоянного, так и временного), был примерно в 12 раз меньше размеров этой пошлины²³ (см. табл.).

Годовое денежное жалованье отдельных категорий русского населения Северо-Восточного Приазовья в 1703–1708 гг.

Категория/чин		Сумма
Постоянные жители	Служилые люди	
	Губернатор	700 руб.
	Товарищ губернатора	300 руб.
	Дьяк приказной палаты	100 и 70 руб.
	Полковник	70, 51 и 50 руб.
	Подполковник	40 руб.
	Майор	51 и 40 руб.
	Капитан, старый подьячий приказной палаты	30 и 20 руб.
	Поручик, квартирмейстер	20 и 15 руб.
	Прапорщик, полковой адъютант	15 руб.
	Подьячий приказной палаты средней статьи	6 руб.
	Урядник, солдат, пушкарь, молодой подьячий приказной палаты	5 руб.
Временные жители	Ремесленные люди	
	Подмастерье каменных дел	21 руб. 20 алтын
	Плотник, каменщик, кирпичник, ломщик камня, конопатчик, кузнец (на «годовой» службе)	5 руб.

Что касается внедрения западноевропейского костюма, то в 1704 г. эта проблема в Северо-Восточном Приазовье была частично решена за государственный счет: из имеющегося в Троицком сукна «шиптуха» солдатам троицких жилых полков пошили кафтаны французского покроя. У солдат первого и второго троицкого полков кафтаны имели зеленый цвет темного и светлого оттенков, у третьего полка они были голубого и лазоревого цвета, а для четвертого полка кафтанов не хватило²⁴.

Судя по букве грамоты из Приказа земских дел, полученной в Азове, именной указ 1704 г. об одежде, обуви и седлах первоначально предполагалось распространять не только на жителей Северо-Восточного Приазовья, но и на донских казаков. Однако азовский губернатор не решился посылать этот указ в Черкасск, не получив соответствующей грамоты из Посольского приказа, в ведении которого находилось Войско Донское. В этой связи 6 мая 1705 г. И. А. Толстой запросил главу этого приказа графа Ф. А. Головина: «И к донским, государь, казакам о платье и о седлах указ посылать ли, и буде они не в указном платье и не на немецких седлах в Азов и в Троицкой будут приезжать, с них пошлину по указу имать ли?». Аналогичный вопрос он адресовал руководству Разряда. Вероятно, упоминание в грамоте донских казаков среди категорий населения, которым следовало объявить этот указ, всё же стало следствием недоразумения или являлось преждевременной инициативой Приказа земских дел. Царь вряд ли намеревался запретить донским казакам носить традиционную одежду и обувь и пользоваться русскими седлами. По этому поводу приехавший с Дона атаман легкой станицы Савелий Кочет (Павлов) с удовлетворением заявил 16 сентября 1705 г. в Посольском приказе: «И тем они, донские казаки, перед иными народами от него, великого государя, пожалованы и зысканы, что к ним и по се число о бородах и о платье... указу не прислано, и платье де они ныне носят по древнему своему обычаю, как кому которое понравитца»²⁵. Не случайно работный человек Ермолай Иванов, прибывший в Астрахань из Азова 14 августа, сообщил восставшим, что «на Дону всё по-старому». В этой связи свидетельство донского казака Василия Смирнова о присылке из Воронежа во все донские казачьи городки грамоты, предписывающей «борода и усы брить и платье немецкое носить», следует считать дезинформацией. Сообщая об этом восставшим астраханцам в августе 1705 г., В. Смирнов подчеркивал нелояльность донского казачества и их идейную близость с повстанцами: «И всех городков атаманы, старшины и все казаки за веру христианскую стоят, и борода и усов не брили и немецкого платья по се время не носят, и хотят стоять за веру христианскую»²⁶. Однако эта картина не имеет ничего общего с ситуацией, отраженной в целом ряде документальных источников (письма адмиралтейца Ф. М. Апраксина царю, расспросные речи станичного атамана С. П. Кочета в Посольском приказе, отписки Войска Донского в Посольский приказ и азовского губернатора И. А. Толстого в Разряд). Донские казаки не переоделись в одежду западноевропейского образца и не сбрили свои борода и усы

вовсе не из-за приверженности традициям наперекор царским указам, а лишь потому, что их действие на землю Войска Донского не распространялось.

Как показала Н. Б. Голикова, прибывшая 25 августа 1705 г. в Черкасск из восставших Астрахани и Черного Яра делегация в составе семи человек во главе с астраханскими конными стрельцами Иваном Кисельниковым и Михаилом Скорняковым не встретила в Войске Донском никакой поддержки. Войсковой круг, высший орган власти на Дону, оказался равнодушен к призыву повстанческого Астраханского войска присоединиться к нему для совместной борьбы за веру и старые обычаи, так как для донского казачества это не было актуальным. Оно не страдало ни от произвола царских администраторов, ни от новых налогов, и на него не распространялись указы о брандобритии и запрете ношения русского платья. Более того, Войсковой круг постановил арестовать астраханских посланцев и доставить их в Москву, а также снарядить отряд и послать его «против воров», после чего всевойсковой атаман Яким Филиппьев (Н. Б. Голикова ошибочно назвала его бывшим атаманом²⁷) написал об этом И. А. Толстому в Азов и Ф. М. Апраксину в Воронеж, и отправил им копии астраханских «преlestных писем». Азовский губернатор сразу прислал в Черкасск дьяка азовской приказной палаты Кузьму Рудеева «для роспросу тех подсылыщников». Характерно, что Я. Ф. Филиппьев, узнав о восстании в Астрахани до приезда оттуда агитаторов, организовал в Черкасске массовое «крестное целование» казаков в подтверждение верности царю, а затем послал во все «верховые» казачьи городки «войсковые письма» с приказом провести аналогичную присягу²⁸. Тех казаков, которые рискнули бы нарушить клятву и примкнуть к восставшим, ожидала смертная казнь через утопление. На этом верноподданнический порыв казачества (вернее, его социальной верхушки) не закончился: на Дону быстро сформировали два походных войска (конное и судовое) и в конце августа отправили их к Царицыну для защиты города от восставших. Еще до выхода соответствующего распоряжения войсковых властей атаманы четырех периферийных донских городков по приказу Ф. М. Апраксина самостоятельно провели мобилизацию и командировали казачий отряд на помощь Царицыну²⁹. В начале сентября вновь избранный войсковой атаман Лукьян Максимов отправил закованных в кандалы посланцев Астраханского войска в Москву с легкой станицей С. П. Кочета³⁰.

Ни в Северо-Восточном Приазовье, ни на Дону не сложилось благоприятных условий для расширения Астраханского восстания в южном направлении. Уже упоминавшийся выше работный человек Е. Иванов 14 августа информировал астраханцев, что при его отъезде из Азова четыре недели назад (т.е. в середине июля) жители города не выражали никаких протестов по поводу насаждаемых властями новшеств: «В Азове бороды и усы бреют и платья носят», несмотря на то что в городе «немцев многое число и ругаютца руским»³¹. В приазовских крепостях действительно служили несколько десятков военно-инженерных специалистов, строевых офицеров и артиллеристов из стран Западной и Северной Европы, но их конфликты с русским населением не выходили за пределы

служебной и бытовой сферы и не угрожали общественному порядку. Не могли создать благоприятной почвы для социального брожения в крае и семьи семидесяти трех московских торговцев, в 1703 и 1705 гг. сосланные Приказом земских дел на «вечное житье» в Азов «за их огурство»: они торговали русской одеждой и обувью, и не смогли уплатить штраф за нарушение царского указа³². Ссылные находились в одинаковых условиях с другими рядовыми жителями Северо-Восточного Приазовья и испытывали жизненные тяготы наравне с ними. Даже распространенные на Азов и Троицкий в 1705 г. новые налоги (подымный, с клеймения хомутов, с найма извозчиков, с домовых бань, с торговых площадок, с возов, с крупного рогатого и мелкого скота, с пристаней, с лодок, с лесоматериалов и дров, с мостов и т.д.) не послужили дестабилизирующим фактором и не стали поводом для антиправительственных выступлений, а лишь способствовали резкому снижению торговых оборотов и сокращению сборов таможенных пошлин (в связи с чем в 1706 г. «новоприбылые сборы» в крае были отменены)³³. Узнав от присланных из Черкасска казаков Тимофея Пирожникова и Абросима Савельева о приезде агитаторов из Астрахани, губернатор И. А. Толстой привел к присяге азовских «начальных людей», «дабы великому государю служили со всякою верностию и оных бунтовщиков злаго совету никто б в мысле своей не держал». 16 сентября С. П. Кочет свидетельствовал в Посольском приказе, что «к такому де воровскому вымыслу, как из азовских, так и из донских жителей никто по се число не явился, и впредь того ни от кого из них не чает». Расторопный И. А. Толстой за «службу и радение» получил из Разряда грамоту с милостивой похвалой (от 19 сентября 1705 г.)³⁴.

Как представляется, рассмотренный эмпирический материал позволяет несколько скорректировать превратившийся в монолитный историографический стереотип тезис о повсеместном неприятии русским обществом культурных инициатив Петра I, связанных с вестернизацией традиционного имиджа и быта. На примере Северо-Восточного Приазовья мы видим, что в некоторых регионах России реализация этого проекта имела свои характерные особенности.

Будучи приграничным районом, меньше десяти лет назад включенным в состав Российского государства, Приазовский край значительно отличался от других областей страны своей социально-демографической структурой, экономическим и внешнеполитическим положением. Основную массу его постоянного населения составляли семьи мигрантов из Приволжья, вырванные самодержавной волей из привычной среды и насильственно переселенные в далекий и малоосвоенный анклав, где основным (и едва ли не единственным) источником их дохода являлось «государево» хлебное и денежное жалованье. Большинство «переведенцев», первоначально принадлежавших к нескольким социальным категориям, на новом месте стали служилыми людьми разных «чинов», обремененными нелегкими обязанностями. Столь крутые жизненные виражи не могли не вызвать культурной дезориентации или даже деморализации индивидуума, на фоне которой принуждение сменить гардероб и сбрыз-

бороду и усы меркнет и не вызывает принципиального отторжения. В такой обстановке возможности социального протеста для служилого человека значительно сужаются и теряют всякую актуальность, так как теперь его жизненной необходимостью становится лояльность к власти, от которой полностью зависит личное благополучие. Не случайно население Северо-Восточного Приазовья не стало социальной базой для расширения Астраханского восстания в 1705 и Булавинского восстания в 1707–1708 гг., хотя риск этого был вполне реален. Отчасти лояльность местных жителей была обеспечена эффективным администрированием азовского губернатора. Вероятно, стратегия выживания вынуждала даже ревнителей старины идти на компромисс с властью, так как неприятие насаждаемых сверху чуждых культурных норм грозило им огромными денежными убытками. По этой же причине реализовать фискальную составляющую культурных нововведений в Приазовском крае не удалось — для народа материальное положение оказалось важнее приверженности традициям предков, ведь разовое приобретение одежды и обуви западноевропейского фасона, несмотря на дороговизну, требовало гораздо меньших расходов, чем регулярные штрафы за нарушение указа 1704 г. Своеобразным символом провалившейся попытки введения в Северо-Восточном Приазовье пошлины на бороду стали невостребованные жетоны. В 1721 г., спустя десять лет после разрушения Троицкого и возвращения Азова Османской империи по условиям Прутского мирного договора 1711 г., в «казенном погребе» пограничной российской крепости Транжамент (близ Черкасска) вместе с денежной казной бережно хранились 44 «бородяных знака»³⁵.

Успешно осуществленную в 1705 г. вестернизацию имиджа населения Азова и Троицкого можно считать первым социокультурным преобразованием в регионе на пороге Нового времени.

Список сокращений

НИА СПбИИ РАН — Научно-исторический архив Санкт-Петербургского института истории Российской академии наук (Санкт-Петербург)

ОР — Отдел рукописей

ПиБ — Письма и бумаги императора Петра Великого

ПСЗ — Полное собрание законов Российской империи с 1649 года

РГАДА — Российский государственный архив древних актов (Москва)

РГАВМФ — Российский государственный архив Военно-морского флота (Санкт-Петербург)

РГБ — Российская государственная библиотека (Москва)

РНБ — Российская национальная библиотека (Санкт-Петербург)

- ¹ Статья написана на основе доклада, представленного на Всероссийской научно-практической конференции «Периферийный город и горожанин в пространственно-временной ретроспективе: особенности национальной идентичности» (тезисы доклада см.: *Аваков П. А.* Региональные особенности и риски культурных преобразований Петра I (на материале городов Северо-Восточного Приазовья) // Периферийный город и горожанин в пространственно-временной ретроспективе: особенности национальной идентичности: материалы Всероссийской научно-практической конференции (Ростов-на-Дону, 20–21 октября 2016 г.). Ростов н/Д., 2016. С. 25).
- ² *Акельев Е. В., Трефилов Е. Н.* Проект европеизации внешнего облика подданных в России первой половины XVIII в.: Замысел и реализация // Феномен реформ на западе и востоке Европы в начале Нового времени: (XVI–XVIII вв.): Сб. ст. СПб., 2013. С. 153. См.: *Устрялов Н. Г.* История царствования Петра Великого. Т. 3. СПб., 1858. С. 191–192, 194–200; *Соловьев С. М.* 1) История России с древнейших времен. Т. 15 // Соловьев С. М. Сочинения: В 18 кн. 8. М., 1993. С. 100–101; 2) Публичные чтения о Петре Великом // Соловьев С. М. Чтения и рассказы по истории России. М., 1989. С. 491–495; *Брикнер А. Г.* История Петра Великого. Т. 1. СПб., 1882. С. 237–240; *Анисимов Е. В.* Время петровских реформ. Л., 1989. С. 354–355.
- ³ *Акельев Е. В.* Из истории введения брадобрития и «немецкого» костюма в петровской России // *Quaestio Rossica*. 2013. № 1. С. 90–98.
- ⁴ *Устрялов Н. Г.* История царствования Петра Великого. Т. 4. Ч. 2. СПб., 1863. С. 552–553.
- ⁵ *Богословский М. М.* Петр I: Материалы для биографии. Т. 3. Л., 1946. С. 8–9.
- ⁶ *Есипов Г. В.* Русская борода и немецкое платье // Раскольничьи дела XVIII столетия / извлеченные из дел Преображенского приказа и Тайной розыскных дел канцелярии Г. Есиповым. Т. 2. СПб., 1863. Прилож. № 2. С. 64–72; *Устрялов Н. Г.* История царствования Петра Великого. Т. 3. С. 192–194; *Шамин С. М.* Мода в России последней четверти XVII столетия // Древняя Русь: Вопросы медиевистики. 2005. № 1. С. 23–38; *Седов П. В.* 1) Реформа служилого платья при Федоре Алексеевиче // Труды Всероссийской научной конференции «Когда Россия молодая мужала гением Петра», посвященной 300-летию юбилею отечественного флота. Вып. 1. Переяславль-Залесский, 1992. С. 77–83; 2) Закат Московского царства: Царский двор конца XVII века. 2-е изд. СПб., 2008. С. 502–515.
- ⁷ *Есипов Г. В.* Русская борода и немецкое платье. С. 160–161; прилож. № 1–5. С. 59–99; *Успенский Б. А.* *Historia sub specie semioticae* // Культурное наследие Древней Руси: Истоки. Становление. Традиции. М., 1976. С. 290–291; *Мауль В. Я.* Русский бунт как форма культурной идентификации переходной эпохи // Вестник Томского государственного университета: Общонаучный периодический журнал. Сер. История. Краеведение. Этнология. Археология. 2005. № 289. С. 146–147.
- ⁸ *Покровский Н. Н.* Антифеодальный протест урало-сибирских крестьян-старообрядцев в XVIII в. Новосибирск, 1974. С. 49–50; *Голикова Н. Б.* Астраханское восстание 1705–1706 гг. М., 1975; *Шашков Л. Т.* 1) Дело о томском протесте 1705 г. // Археография и изучение духовной культуры Урала: III Уральские археографические чтения: Тез. докл. Свердловск, 1987. С. 26–28; 2) Дело 1705 г. «о противности и о преслушании его царского величества указу томских жителей о немецком платье и о бритии бород» // Проблемы истории России. Вып. 2. Екатеринбург, 1998. С. 301–325.
- ⁹ *Пушкаренко А. А.* 1) Приазовский край в конце XVII — начале XVIII в.: (Очерки заселения и хозяйственного освоения): Дис. ... канд. ист. наук. Ростов н/Д., 1966. С. 323; 2) Страж морских рубежей // Таганрог: Историко-краеведческий очерк / Л. А. Бодик и др. Ростов н/Д., 1971. С. 20.
- ¹⁰ *Воскресенский Н. А.* Законодательные акты Петра I: Редакции и проекты законов, заметки, доклады, доношения, челобитья и иностранные источники. Т. 1. М.; Л., 1945. № 149. С. 116; *Устрялов Н. Г.* История царствования Петра Великого. Т. 4. Ч. 2. С. 552–553; Т. 3. С. 350 (примеч. 35); *Богословский М. М.* Петр I: Материалы для биографии. Т. 4. Л., 1948.

- С. 311–312; *Руденко И. В.* Бородовые знаки, 1698, 1705, 1724, 1725: Каталог. Ростов н/Д., 2013. С. 15–16, 19, 102–103; ПСЗ-1. Т. 4. СПб., 1830. № 1741, 1887, 1999, 2015.
- ¹¹ Свидетельство о том, что ограничения на ношение бороды действовали до издания январского указа 1705 г., содержится, в частности, в так называемых записках И. А. Желябужского. На смотре городских воевод в декабре 1704 г. в селе Преображенском при участии Петра I некий Иван Данилов сын Наумов по личному приказу царя был «бит батогами нещадно за то, что у него борода и усы не выбриты». По окончании смотра воеводам «была сказка, чтоб у них впредь бород и усов не было, а у кого будет, и тем будет гнев» (*Желябужский И. А.* Дневные записки // Рождение империи. М., 1997. С. 347).
 - ¹² ПСЗ-1. Т. 4. № 1999, 2015; *Руденко И. В.* Бородовые знаки. С. 16–17.
 - ¹³ *Брикнер А. Г.* История Петра Великого. Т. 1. С. 241 (подстрочн. примеч. 1).
 - ¹⁴ *Голикова Н. Б.* Астраханское восстание 1705–1706 гг. С. 76–86, 104–107, 114–125; *Покровский Н. Н.* Антифеодальный протест... С. 49–50; Сибирский летописный свод // Полное собрание русских летописей. Т. 36. М., 1987. С. 196, 343; *Шашков Л. Т.* 1) Дело о томском протесте 1705 г. С. 26–28; 2) Дело 1705 г. «о противности и о преслушании его царского величества...» С. 301–325.
 - ¹⁵ ОР РГБ. Ф. 29. Д. 116. Л. 1 – 25 об., 27 об.; РНБ. К 1-Чер 2/11; *Аваков П. А.* Северо-Восточное Приазовье в составе Российского государства в конце XVII – начале XVIII в.: завоевание, колонизация, управление: Дис. ... канд. ист. наук. Ростов н/Д., 2011. С. 172–174, 177–178, 250–251.
 - ¹⁶ *Пушкаренко А. А.* Приазовский край... С. 107–111.
 - ¹⁷ Там же. С. 35–77, 105–106; *Аваков П. А.* Азов и Троицкий как исторические предтечи Санкт-Петербурга // Столицы и провинция: (К 300-летию перенесения столицы из Москвы в Санкт-Петербург): Материалы IV Международного конгресса петровских городов. СПб., 2013. С. 224–231.
 - ¹⁸ НИАСПБ И РАН. Ф. 105. Оп. 1. Д. 250. Л. 13, 26, 40, 62; РГАВМФ. Оп. 1. Д. 36. Ч. 1. Л. 812 об. – 825 об., 848 – 852 об.; *Пушкаренко А. А.* Приазовский край... С. 152–153.
 - ¹⁹ *Пушкаренко А. А.* 1) Приазовский край... С. 37, 40, 48–51, 278, 319–322; 2) Страж морских рубежей. С. 19–20.
 - ²⁰ *Пушкаренко А. А.* 1) Приазовский край... С. 39–40, 46–48; 2) Страж морских рубежей. С. 21; *Андрющенко О. В.* Население и администрация города Азова в 1696–1711 годы. Воронеж, 2008. С. 70–79, 116–117.
 - ²¹ *Пушкаренко А. А.* 1) Приазовский край... С. 43, 324–326; 2) Документы о русском земледелии в Приазовье // Краеведческие записки. Вып. 2. Ростов н/Д., 1964. С. 193–194; НИАСПБ И РАН. Ф. 105. Оп. 1. Д. 250. Л. 6–7, 17–18, 49, 78–79, 81; РГАВМФ. Оп. 1. Д. 14. Л. 752 об.; Д. 22. Л. 184 об., 364, 371 об., 499 об. – 489; Д. 36. Ч. 1. Л. 4 – 5 об.; *Андрющенко О. В.* Население и администрация города Азова в 1696–1711 годы. С. 114–116.
 - ²² РГАВМФ. Ф. 177. Оп. 1. Д. 16. Л. 574 – 574 об.; Д. 56. Л. 211 – 211 об.; Д. 57. Ч. 1. Л. 29, 39, 65–67, 400, 402 об., 413; Д. 89. Ч. 1. Л. 741 – 741 об.; РГАДА. Ф. 160. Оп. 1. 1705 г. Д. 3. Л. 3 – 3 об.; *Пушкаренко А. А.* 1) Приазовский край... С. 323; 2) Страж морских рубежей. С. 20.
 - ²³ РГАВМФ. Ф. 177. Оп. 1. Д. 37. Ч. 1. Л. 490; Д. 36. Ч. 1. Л. 850 об., 858 – 860 об., 863–865; Д. 57. Ч. 1. Л. 80 – 82 об., 83 об. – 84, 88, 121, 181 об. – 182 об., 184, 186, 189 – 189 об., 193, 233; ПИБ. Т. 9. Вып. 1. М.; Л., 1950. С. 155; РГАДА. Ф. 396. Оп. 3. Д. 75. Л. 383, 383 об.
 - ²⁴ РГАВМФ. Ф. 177. Оп. 1. Д. 36. Ч. 1. Л. 840, 869 об. – 870.
 - ²⁵ Там же. Д. 57. Ч. 1. Л. 66 об. – 67; РГАДА. Ф. 160. Оп. 1. 1705 г. Д. 3. Л. 3 – 3 об.; Социальное движение в городах Нижнего Поволжья в начале XVIII века: Сб. док. М., 2004. С. 18–19, 130.
 - ²⁶ Социальное движение в городах Нижнего Поволжья... С. 130.
 - ²⁷ Данная ошибка – следствие неверного понимания информации, содержащейся в расспросных речах станичного атамана С. П. Кочета: «И те де астраханские лазутчики 5 человек и с ними черноморцев 2 человека, всего 7 человек... явились в Черкаску преждебывшему их войсковому атаману Якиму Филиппеву...» (Социальное движение в городах

- Нижнего Поволжья... С. 16). Из документа явствует, что на тот момент Я. Филиппьев являлся действующим войсковым атаманом. Он ушел в отставку по собственному желанию ко времени отправки легкой станицы атамана С. П. Кочета из Черкаска в Москву, когда во главе Войска Донского уже стоял Л. М. Максимов (Там же. С. 19). По отношению к нему Я. Ф. Филиппьев и был назван С. П. Кочетом «преждебывшим» атаманом.
- ²⁸ Н. Б. Голикова ошибочно приписала эти действия будущему войсковому атаману Л. М. Максиму.
- ²⁹ По мнению Н. Б. Голиковой, отправку этого отряда организовал казак Паншина городка С. С. Чекунов, которого она считала атаманом Паншина городка (Паншинской станицы). Однако из письма Ф. М. Апраксина Петру I от 22 октября 1705 г. следует, что С. С. Чекунов являлся атаманом отряда (станицы) казаков «верховых» городков, оставшегося зимовать в Царицыне после ухода оттуда главных сил «низовых» казаков в Черкасск (ПиБ. Т. 3. СПб., 1889. С. 978–979).
- ³⁰ Голикова Н. Б. Астраханское восстание 1705–1706 гг. С. 126–129, 176–177, 192–194; Социальное движение в городах Нижнего Поволжья... С. 14–22; ПиБ. Т. 3. С. 975–979; РГАВМФ. Ф. 177. Оп. 1. Д. 16. Л. 668 – 668 об.
- ³¹ Социальное движение в городах Нижнего Поволжья... С. 130.
- ³² РГАВМФ. Ф. 177. Оп. 1. Д. 14. Л. 1208 об., 1245–1246; Д. 16. Л. 605–607 об., 647–649; Ф. 176. Оп. 1. Д. 54. Л. 331 – 331 об., 225 об., 337.
- ³³ Пушкаренко А. А. Приазовский край... С. 286–287, 322–323.
- ³⁴ РГАВМФ. Ф. 177. Оп. 1. Д. 16. Л. 668 – 668 об.; Социальное движение в городах Нижнего Поволжья в начале XVIII века... С. 18.
- ³⁵ ОР РНБ. Ф. 159. Оп. 2. Д. 94. Л. 15.

References

- Akel'ev E. V.* Iz istorii vvedeniya bradobritiya i «nemetskogo» kostyuma v petrovskoi Rossii // Quaestio Rossica. 2013. N 1.
- Akel'ev E. V., Trefilov E. N.* Proekt evropeizatsii vneshnego oblika poddannyykh v Rossii pervoi poloviny XVIII v.: Zamyсел i realizatsiya // Fenomen reform na zapade i vostoке Evropy v nachale Novogo vremeni: (XVI–XVIII vv.): Sb. st. SPb., 2013.
- Andryushchenko O. V.* Naselenie i administratsiya goroda Azova v 1696–1711 gody. Voronezh, 2008.
- Anisimov E. V.* Vremya petrovskikh reform. L., 1989.
- Avakov P. A.* Regional'nye osobennosti i riski kul'turnykh preobrazovaniy Petra I (na materiale gorodov Severo-Vostochnogo Priazov'ya) // Periferiinyi gorod i gorozhanin v prostranstvenno-vremennoi retrospektive: osobennosti natsional'noi identichnosti: materialy Vserossiiskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii (Rostov-na-Donu, 20–21 oktyabrya 2016 g.). Rostov n/D., 2016.
- Avakov P. A.* Azov i Troitskii kak istoricheskie predtechi Sankt-Peterburga // Stolitsy i provintsii: (K 300-letiyu pereneseniya stolitsy iz Moskvy v Sankt-Peterburg): Materialy IV Mezhdunarodnogo kongressa petrovskikh gorodov. SPb., 2013.
- Avakov P. A.* Severo-Vostochnoe Priazov'e v sostave Rossiiskogo gosudarstva v kontse XVII – nachale XVIII v.: zavoevanie, kolonizatsiya, upravlenie: Dis. ... kand. ist. nauk. Rostov n/D., 2011.
- Bogoslovskii M. M.* Petr I: Materialy dlya biografii. T. 3. L., 1946.
- Bogoslovskii M. M.* Petr I: Materialy dlya biografii. T. 4. L., 1948.
- Briker A. G.* Istoriya Petra Velikogo. T. 1. SPb., 1882.
- Esipov G. V.* Russkaya boroda i nemetskoe plat'e // Raskol'nic'h'i dela XVIII stoletiya / izvlechennyye iz del Preobrazhenskogo prikaza i Tainoi rozysknykh del kantselyarii G. Esipovym. T. 2. SPb., 1863.
- Golikova N. B.* Astrakhanskoe vosstanie 1705–1706 gg. M., 1975.
- Maul' V. Ya.* Russkii bunt kak forma kul'turnoi identifikatsii perekhodnoi epokhi // Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta: Obshchenauchnyi periodicheskii zhurnal. Ser. Istoriya. Kraevedenie. Etnologiya. Arkheologiya. 2005. N 289.
- Pokrovskii N. N.* Antifeodal'nyi protest uralo-sibirskikh krest'yan-starobryadtsev v XVIII v. Novosibirsk, 1974.

Pushkarenko A. A. Dokumenty o russkom zemledelii v Priazov'e // Kraevedcheskie zapiski. Vyp. 2. Rostov n/D., 1964.

Pushkarenko A. A. Priazovskii kraj v kontse XVII — nachale XVIII v.: (Ocherki zaseleniya i khozyaistvennogo osvoeniya): Dis. ... kand. ist. nauk. Rostov n/D., 1966.

Pushkarenko A. A. Strazh morskikh rubezhei // Taganrog: Istoriko-kraevedcheskii ocherk / L. A. Bodik i dr. Rostov n/D., 1971.

Rudenko I. V. Borodovye znaki, 1698, 1705, 1724, 1725: Katalog. Rostov n/D., 2013.

Sedov P. V. Zakat Moskovskogo tsarstva: Tsarskii dvor kontsa XVII veka. 2-e izd. SPb., 2008.

Sedov P. V. Reforma sluzhilogo plat'ya pri Fedore Alekseeviche // Trudy Vserossiiskoi nauchnoi konferentsii «Kogda Rossiya molodaya muzhala geniem Petra», posvyashchennoi 300-letnemu yubileyu otechestvennogo flota: Pereyaslavl'-Zalesskii, 30 iyunya — 2 iyulya 1992 g. Vyp. 1. Pereyaslavl'-Zalesskii, 1992.

Shamin S. M. Moda v Rossii poslednei chetverti XVII stoletiya // Drevnyaya Rus': Voprosy medievistiki. 2005. N 1.

Shashkov L. T. Delo o tomskom proteste 1705 g. // Arkheografiya i izuchenie dukhovnoi kul'tury Urala: III Ural'skie arkheograficheskie chteniya: Tez. dokl. Sverdlovsk, 1987.

Shashkov L. T. Delo 1705 g. «o protivnosti i o preslushanii ego tsarskogo velichestva ukazu tomskikh zhitel'ei o nemetskom plat'e i o britii borod» // Problemy istorii Rossii. Vyp. 2. Ekaterinburg, 1998.

Sibirskii letopisnyi svod // Polnoe sobranie russkikh letopisei. T. 36. M., 1987.

Solov'ev S. M. Istoriya Rossii s drevneishikh vremen. T. 15 // Solov'ev S. M. Sochineniya: V 18 kn. Kn. 8. M., 1993.

Solov'ev S. M. Publichnye chteniya o Petre Velikom // Solov'ev S. M. Chteniya i rasskazy po istorii Rossii. M., 1989.

Sotsial'noe dvizhenie v gorodakh Nizhnego Povolzh'ya v nachale XVIII veka: Sb. dok. M., 2004.

Uspenskii B. A. Historia sub specie semioticae // Kul'turnoe nasledie Drevnei Rusi: Istoki. Stanovlenie. Traditsii. M., 1976.

Ustryalov N. G. Istoriya tsarstvovaniya Petra Velikogo. T. 3. SPb., 1858.

Ustryalov N. G. Istoriya tsarstvovaniya Petra Velikogo. T. 4. Ch. 2. SPb., 1863.

Voskresenskii N. A. Zakonodatel'nye akty Petra I: Redaktsii i proekty zakonov, zametki, doklady, donosheniya, chelobit'ya i inostrannye istochniki. T. 1. M.; L., 1945.

Zhelyabuzhskii I. A. Dnevnye zapiski // Rozhdenie imperii. M., 1997.

Список литературы

Аваков П. А. Региональные особенности и риски культурных преобразований Петра I (на материале городов Северо-Восточного Приазовья) // Периферийный город и горожанин в пространственно-временной ретроспективе: особенности национальной идентичности: Материалы Всероссийской научно-практической конференции (Ростов-на-Дону, 20–21 октября 2016 г.). Ростов н/Д., 2016.

Аваков П. А. Азов и Троицкий как исторические предтечи Санкт-Петербурга // Столицы и провинция: (К 300-летию перенесения столицы из Москвы в Санкт-Петербург): Материалы IV Международного конгресса петровских городов. СПб., 2013.

Аваков П. А. Северо-Восточное Приазовье в составе Российского государства в конце XVII — начале XVIII в.: завоевание, колонизация, управление: Дис. ... канд. ист. наук. Ростов н/Д., 2011.

Акельев Е. В. Из истории введения брадобрития и «немецкого» костюма в петровской России // Quaestio Rossica. 2013. № 1.

Акельев Е. В., Трефилов Е. Н. Проект европеизации внешнего облика подданных в России первой половины XVIII в.: Замысел и реализация // Феномен реформ на западе и востоке Европы в начале Нового времени: (XVI–XVIII вв.): Сб. ст. СПб., 2013.

Андрющенко О. В. Население и администрация города Азова в 1696–1711 годы. Воронеж, 2008.

Анисимов Е. В. Время петровских реформ. Л., 1989.

Богословский М. М. Петр I: Материалы для биографии. Т. 3. Л., 1946.

Богословский М. М. Петр I: Материалы для биографии. Т. 4. Л., 1948.

Брикнер А. Г. История Петра Великого. Т. 1. СПб., 1882.

Воскресенский Н. А. Законодательные акты Петра I: Редакции и проекты законов, заметки, доклады, доношения, челобитья и иностранные источники. Т. 1. М.; Л., 1945.

Голикова Н. Б. Астраханское восстание 1705–1706 гг. М., 1975.

Есипов Г. В. Русская борода и немецкое платье // Раскольниковы дела XVIII столетия / извлеченные из дел Преображенского приказа и Тайной розыскных дел канцелярии Г. Есиповым. Т. 2. СПб., 1863.

Желябужский И. А. Дневные записки // Рождение империи. М., 1997.

Мауль В. Я. Русский бунт как форма культурной идентификации переходной эпохи // Вестник Томского государственного университета: Общественно-научный периодический журнал. Сер. История. Краеведение. Этнология. Археология. 2005. № 289.

Покровский Н. Н. Антифеодальный протест урало-сибирских крестьян-старообрядцев в XVIII в. Новосибирск, 1974.

Пушкаренко А. А. Документы о русском земледелии в Приазовье // Краеведческие записки. Вып. 2. Ростов н/Д., 1964.

Пушкаренко А. А. Приазовский край в конце XVII — начале XVIII в.: (Очерки заселения и хозяйственного освоения): Дис. ... канд. ист. наук. Ростов н/Д., 1966.

Пушкаренко А. А. Страж морских рубежей // Таганрог: Историко-краеведческий очерк / Л. А. Бодик и др. Ростов н/Д., 1971.

Руденко И. В. Бородовые знаки, 1698, 1705, 1724, 1725: Каталог. Ростов н/Д., 2013.

Седов П. В. Закат Московского царства: Царский двор конца XVII века. 2-е изд. СПб., 2008.

Седов П. В. Реформа служилого платья при Федоре Алексеевиче // Труды Всероссийской научной конференции «Когда Россия молодая мужала гением Петра», посвященной 300-летию юбилею отечественного флота: Переяславль-Залесский, 30 июня — 2 июля 1992 г. Вып. 1. Переяславль-Залесский, 1992.

Сибирский летописный свод // Полное собрание русских летописей. Т. 36. М., 1987.

Соловьев С. М. История России с древнейших времен. Т. 15 // Соловьев С. М. Сочинения: В 18 кн. Кн. 8. М., 1993.

Соловьев С. М. Публичные чтения о Петре Великом // Соловьев С. М. Чтения и рассказы по истории России. М., 1989.

Социальное движение в городах Нижнего Поволжья в начале XVIII века: Сб. док. М., 2004.

Успенский Б. А. Historia sub specie semioticae // Культурное наследие Древней Руси: Истоки. Становление. Традиции. М., 1976.

Устрялов Н. Г. История царствования Петра Великого. Т. 3. СПб., 1858.

Устрялов Н. Г. История царствования Петра Великого. Т. 4. Ч. 2. СПб., 1863.

Шамин С. М. Мода в России последней четверти XVII столетия // Древняя Русь: Вопросы медиевистики. 2005. № 1.

Шашков Л. Т. Дело о томском протесте 1705 г. // Археография и изучение духовной культуры Урала: III Уральские археографические чтения: Тез. докл. Свердловск, 1987.

Шашков Л. Т. Дело 1705 г. «о противности и о преслушании его царского величества указу томских жителей о немецком платье и о бритии бород» // Проблемы истории России. Вып. 2. Екатеринбург, 1998.

П. А. Аваков. Региональные особенности и социально-политические риски культурных преобразований Петра I (на материале Северо-Восточного Приазовья)

В статье рассматривается региональный аспект реализованного Петром I в 1705 г. проекта вестернизации имиджа и быта россиян. На материале Северо-Восточного Приазовья показано, что имиджевые и бытовые инновации Петра I не всегда сопровождались сопротивлением местного населения и могли осуществляться довольно успешно. Возможность неконфронтационного внедрения культурной инициативы царя напрямую зависела от социально-экономических особенностей конкретного региона, сословного состава местного населения. Благоприятное сочетание этих факторов позволило администрации Северо-Восточного Приазовья успешно воплотить замысел Петра I и избежать социального взрыва, несмотря на значительные риски, связанные с угрозой расширения территории Астраханского восточного на сопредельный регион. Источники ставят под сомнение общепризнанный в историографии тезис о том, что россияне были имманентно не готовы расстаться с бородой и одеждой своих предков.

Ключевые слова: реформы Петра Великого, вестернизация, брадобритие, налоги, Северо-Восточное Приазовье, Азов, Таганрог, власть и общество.

P. A. Avakov. Regional characteristics and socio-political risks of cultural transformations of Peter the Great (on the material of the North-Eastern Azov Sea area)

The paper presents the research of the project of westernization of Russia's daily life that was implemented by Peter I as an important part of his reforms. The research based on the materials of the North-Eastern Azov Sea area shows that drastic image and everyday life innovations of Peter I have not always met with the resistance of local population and could have been introduced quite successfully. The possibility of non-confrontational implementation of the Tsar's cultural initiative was influenced by social and economic characteristics of a particular region and depended directly on such factor as class structure of the local population. The favorable combination of these factors allowed the administration of North-Eastern Azov Sea area to accomplish successfully plan of Peter I and to avoid social explosion, despite the significant risks connected with threat of expansion of the territory of the Astrakhan rebellion on the adjacent region. The sources cast doubt on the conventional historiographic thesis that the Russians were inherently not ready to give up their beards and their traditional fashion.

Key words: Peter the Great's reforms, westernization, beard shaving, taxes, North-Eastern Azov Sea area, power and society.

Аваков, Петр Ашотович, к.и.н., старший преподаватель кафедры исторических наук и политологии Ростовского государственного экономического университета.

Avakov, Piotr Ashotovich, Ph. D. in History, the Senior Lecturer at of the Department of Historical sciences and Politology of the Rostov State University of Economics (RINH).

E-mail: pavakov@mail.ru